

О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных

По поводу вопроса о современном направлении русской литературы. Сочинение Ореста Миллера на степень магистра русской словесности. СПб., 1858

Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах
Том первый. Статьи, рецензии и заметки (1853-1858)

Составление и вступительная статья Ю. Г. Буртина

Примечания Е. Ю. Буртиной

М., "Художественная литература", 1986

[OCR Бычков М. Н.](#)

Книжонка не стоит серьезного разбора, и мы хотели было промолчать о ней, как молчали мы о "Правде о мужчине и женщине", "Печатной правде", "Минутах уединенных размышлений", "Сонниках", "Оракулах" и тому подобных бестолковых изделиях писального мастерства¹. Разборы подобных книг составляют подвиг, и подвиг весьма неблагодарный. Нужно их уничтожить, а для этого надо следить за ними из строки в строку, потому что каждая строка в них заключает в себе непременно -- или ложь, или чепуху. Недавно в "Русском вестнике" совершил такой подвиг над "Печатной правдой" г. Жемчужников². Разбор его превосходен, но зато он вышел гораздо обширнее самой книжонки, для которой написан. К счастью еще, книжонка была невелика, и предмет ее в высшей степени интересен и важен теперь для всей русской публики. Но что прикажете делать с длинной диссертацией, на 300 страницах убористого шрифта толкующей о нравственной стихии в поэзии? Неужели целую книжку "Современника" посвятить серьезному ее разбору, -- неужели опять пускаться в рассуждения об элементарных понятиях, о которых "уж столько раз твердили миру", но которых все-таки не мог понять автор диссертации? И для кого все это? Ведь, наверное, те, которые не с первой страницы бросят книжонку эту, как бездарную пошлость, -- наверное, те не станут читать журнальных критик, а если как-нибудь и прочтут, то уж ни за что не убедятся. Так, читатели, восхищающиеся "Битвою русских с кабардинцами" и "Гуаком, или Непреодолимою верностью"³, не убедятся в их пошлости никаким громоносным разбором; так публика известного разряда не убедилась в нелепости "Чиновника" даже после разбора г. Павлова⁴, и "Чиновник" до сих пор даже -- модная пьеса для благородных спектаклей. Для изделий, подобных "Нравственной стихии", "Чиновнику" и "Гуаку", существуют особые классы читателей, не имеющие ничего общего с кругом людей, читающих журналы. Поэтому разбирать в журнале "Правду о мужчине и женщине" и "Нравственную стихию" мы считали совершенно бесплодным и излишним трудом.

Но изделие г. Ореста Миллера представляет одну сторону, заставляющую обратить на него некоторое внимание. На заглавном листе книги стоят слова: "На степень магистра русской словесности"; следовательно, это не есть просто книжная спекуляция, рассчитанная только на карманы покупателей. Претензии г. Ореста Миллера идут дальше. Он хочет вступить в привилегированно-ученое сословие и, как видно, имеет намерение не шутя пропагандировать свои понятия о поэзии и нравственности. Нет ничего мудреного, что он будет когда-нибудь *ex officio* {По обязанности (*лат.*)}. -- *Ред.* поучать российское юношество в гимназии или (чего на свете не бывает!) даже где-нибудь и выше. Это обстоятельство и заставляет нас отметить книгу г. Ореста Миллера в нашей библиографии, -- не затем, чтобы наставить автора (он уже не станет слушать наставлений, хотя и сильно в них нуждается, судя по его книге), -- но для того, чтобы предостеречь юношей, пред которыми произведение г. Ореста Миллера может явиться под прикрытием наставнического авторитета. Таких юношей немало существует до сих пор в наших учебных заведениях благодаря милой методе воспитания, доселе еще не выведшейся во многих местах. Конечные цели и результаты этой методы высказываются очень сильно и ясно, между прочим, и в творении "О нравственной стихии в поэзии". Метода эта имеет своим идеалом *благодетельного* мальчика, который со временем должен сделаться *скромным*, воздержным во всем юношею, а потом *мудрым* мужем, верным *слугою* отечества. Благодетельность мальчика состоит, разумеется, исключительно в том, чтоб слушаться старших и за то попадать на золотую доску; скромность -- в умение обладать собою, то есть укрощать все внутренние порывы, которыми можно заслужить название человека беспокойного; мудрость -- в том, чтобы соблюдать во всем златую средину, а *служба*, -- служба состоит исключительно в том, чтобы быть *слугою*. Кто сумел сделаться слугою до того, чтобы забыть о своей собственной самостоятельности, не